

каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – Т. 1. – С. 100 – 106.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагмбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугуджарских гор (Северо-Западная Азия) // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2001а. – № 2. – С. 20 – 36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагмбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугуджарских гор. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2001б. – 135 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – 279 с.

Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М., Шаронова З.В., Волгина В.А., Куликов О.А., Власов В.К., Цацкин А. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) // Стратиграфия, геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 5. – С. 82 – 95.

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26 – 45.

Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // СА. – 1990. – № 4. – С. 5 – 15.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 51 с.

Окладников А.П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. – М.: Наука, 1949. – 85 с.

Ранов В.А., Лаухин С.А. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. – 2000. – № 9. – С. 52 – 60.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20 – 32.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – 171 с.

Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Заравшана. – Ташкент: Фан, 1980. – 101 с., XLV табл.

Чердынцев В.В. Уран-243. – М.: Атомиздат, 1969. – 308 с.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.

Bar-Yosef O. The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: chronology and cultural entities // Man and environment in the Paleolithic. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 247 – 263.

Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Hously R., Laville H., Meignen L., Vogel J.C., Vandermeersch B. The Dating of the Upper Paleolithic Layers in Kebara Cave, MT Carmel // Journal of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 297 – 306.

Boeda E., Muhesen S. Umm El Tiel (El Kown, Syrie): Etude préliminaire des industries lithiques du Paléolithique Moyen et Supérieur 1991 – 1992 // Cahiers de L'Euphrate 7, Editions Recherche sur les civilisations. – P., 1993.

Garrod D., Bate D. The Stone Age of Mount Carmel I. Excavations at the Wadi-Mughara. – Oxford: Clarendon Press, 1937.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Kara-Bom // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34, N 4. – P. 452 – 458.

Grün R., Stringer Ch. Tabun revisited: revised ESR chronology and new ESR and U-series analyses of dental material from Tabun CI // Journal of Human Evolution. – 2000. – Vol. 39. – P. 601 – 612.

Kuhn S.L., Stiner M.C., Gulec E. Initial Upper Palaeolithic in South-central Turkey and its regional context: a preliminary report // Antiquity. – 1999. – N 73. – P. 505 – 517.

Mercier N., Valladas H., Valladas G. Flint Thermoluminescence Dates from the CFR Laboratory at GIF: contributions to the study of the chronology of the Middle Palaeolithic // Quaternary Science Reviews (Quaternary Geochronology). – 1995. – Vol. 14. – P. 351 – 364.

Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.-I., Jelinek A., Meignen L., Joron J.-I. TL-dates of Burnt Flints from Jelinek's Excavations at Tabun and Their Implications // Journal of Archaeological Science. – 1995. – Vol. 22. – P. 495 – 509.

Neuville R. Le préhistorique de Palestine // Revue Biblique. – 1934. – Vol. 43. – P. 237 – 259.

Schwarcz H.P., Rink W.J. Progress in ESP and U-series chronology of the Levantine Paleolithic // Neanderthal and Modern Humans in Western Asia. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 57 – 68.

Szymezak K., Gretchina T., Madeyska, Khudzhazarov M., Tashkenbaev N., Suleimanov R., Falgueres Ch., Fontugue M. Kuturbulak Revisited. A Middle Paleolithic Site in Zeravshan River Valley, Uzbekistan. – Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2000. – 133 p.

Материал поступил в редколлегию 15.10.2001 г.

УДК 903.5 (571.15)

Е.Г. Шпакова*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДА ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Введение

За длительный, более чем вековой период изучения сибирского палеолита было сделано много важных открытий. Но только в последние десятилетия произошло переосмысление значения этого региона для антропогенеза. Так, например, в 1970 – 1980-х гг. были получены данные, поставившие проблему домустьевого периода формирования человека в Северной Азии [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 167, 193]. Однако и сейчас, несмотря на большое количество известных древнейших археологических памятников, найденные палеоантропологические материалы в Сибирском регионе очень незначительные. Несоответствие числа открытых палеолитических стоянок и количества синхронных им антропологических образцов остается важной проблемой, и исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно природы этого явления.

Все плейстоценовые антропологические находки с территории Сибири оказались локализованы преимущественно в ее южных регионах: на Алтае – в пещерах Денисовой и им. Окладникова, на местонахождении Соловьиная Лука; в котловинах Саян – на местонахождениях Афонтова Гора и Лиственка; в Прибайкалье – на стоянке Мальта. Отличительной особенностью всего сибирского палеолитического костного материала является малочисленность, фрагментарность и наличие в его составе одонтологических образцов.

В обзорной статье, посвященной древнейшим антропологическим находкам с трех палеолитических стоянок Сибири (Афонтова Гора II, Мальта и Сибирячиха – в последующем пещера им. Окладникова), В.П. Алексеев проанализировал некоторые расодифференцирующие особенности костных образцов и сопоставил их

с расовой характеристикой более поздних антропологических серий этого региона. Наряду с рассмотрением вопроса о малочисленности и плохой сохранности палеолитических костных остатков автором была сделана ретроспективная реконструкция расогенетической ситуации на территории Сибири в эпоху палеолита [Aleksseev, 1998]. Учитывая особенности сохранности и морфологии палеоантропологических находок, В.П. Алексеев предположил возможность бытования на рассматриваемой территории обычая каннибализма, констатировал выраженные монголоидные признаки у верхнеплейстоценового населения Сибири и связал проникновение европеоидных групп на территорию степной полосы Южной Сибири с эпохой неолита.

Немногочисленные одонтологические находки упомянуты В.П. Алексеевым в контексте идентификации возраста и количества погребенных. К сожалению, в отечественной антропологии было распространено мнение о малой расогенетической информативности разрозненного одонтологического материала и в ряде случаев при описании антропологических характеристик морфологические особенности найденных зубов не отмечались.

Однако существуют уже проверенные одонтологические методы, позволяющие на основании вариаций анатомии зубов получить дополнительную информацию о расовых и эволюционных преобразованиях в исследуемых популяциях. Основные направления такого исследования – одонтометрия (получение измерительных параметров корней и коронок), одонтокопия (определение морфологических особенностей зубов) и одонтоглифика (описание вариаций борозд на коронках моляров и премоляров). Очень важной методологической особенностью российской одонтологии, во многом облегчающей исследование и

Таблица 1. Древнейшие одонтологические находки Сибири

Памятник	Период	Возраст погребенного	Антропологические находки	Одонтологический материал
Афонтова Гора II	Заключительная стадия верхнего палеолита	9 лет	Зубы и костные фрагменты	P ² лев.
Мальта	Средняя стадия верхнего палеолита	2 – 3 года	То же	Полный набор зубов молочной смены и I ^{1,1} , I ₁ , C ^B , Сн.?, M ^{1,1} , M _{1,1}
		0,5 – 1 год	»	i ^{1,1} , j ^{2,2} , i _{1,1} , i _{2,2} , m ¹ , m _{1,1} , m ^{2,2} , m _{2,2} и I ¹ , Сн.?, M ¹ ?
Денисова пещера	Мустье Сибири	Взрослый и ребенок 7 – 8 лет	Зубы	I ¹ лев., m ₂ лев.
Пещера им. Окладникова	То же	12 – 14 лет и 5 – 7 лет	»	m ₂ пр., P ₁ лев., M _{1(2?)} лев., M ₃ пр., M ₃ лев.
Лиственка	Заключительная стадия верхнего палеолита	Около 3 лет	Нижняя челюсть и зубы	Полный набор молочных нижних зубов и I _{1,1} , Сн., M _{1,1}
Соловьинная Лука	Верхний палеолит(?)	5 лет	Левая половина нижней челюсти и зубы	m ₁ лев., m ₂ лев., M ₁ лев., M ₂ лев.

последующий анализ зубных образцов, является работа по единым методикам, обобщающим опыт зарубежных и российских ученых [Зубов, 1968а, 1974; Зубов, Халдеева, 1989, 1993]. При таком унифицированном подходе сводятся к минимуму неизбежные ошибки субъективного подхода и расширяются возможности сравнительного анализа.

Сравнительный обзор плейстоценовых антропологических образцов с территории Сибири

В данной статье представлен обзор известных к настоящему времени древнейших антропологических образцов из Сибири и проведена систематизация одонтологического материала. Основные морфологические особенности челюстей и зубов представлены в табл. 1 – 5.

Часть материала, уже ранее опубликованная и интерпретированная рядом специалистов, была доисследована мною по методикам, которые в силу различных обстоятельств не привлекались предшественниками. Необходимость повторного изучения уже частично исследованного материала была связана с его уникальностью и малочисленностью, что вынуждает использовать принцип максимального сбора информации.

На основании систематизированных данных я попыталась выделить одонтологические типы и найти закономерности распределения расогенетических характеристик в соответствии с их территориальной и временной принадлежностью.

Перечень палеолитических памятников, на территории которых были найдены антропологические об-

разцы, дан в порядке их открытия. Он включает стоянки, уже отмеченные В.П. Алексеевым [Alexseev, 1998], и дополнен новыми антропологическими открытиями последних лет.

Афонтова Гора II. Стоянка расположена на левом берегу Енисея близ Красноярска, датируется заключительной стадией верхнего палеолита [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 240]. На ее территории были найдены четыре фрагмента посткраниальных скелетов двух взрослых людей современного вида, небольшая часть лобной кости с прилегающими к ней фрагментами носовых костей, принадлежавшая, по определению Г.Ф. Дебеца, молодому субъекту, и верхний левый второй премоляр [Дебеч, 1948, с. 43].

Интересной особенностью трех фрагментов длинных костей является то, что все они оказались обломками скелета левой руки одного субъекта (фрагменты анатомически сочленяются). М.П. Грязнов, проводивший детальный анализ костных остатков, полагал, что локтевой сустав был выломан еще при сохранившихся связках (см.: [Alexseev, 1998, p. 330]).

Очень слабое развитие надглазничного рельефа, отмеченное на фрагменте лобной кости (для сравнения Г.Ф. Дебецем были взяты аналогичные образцы лобных костей детей и подростков от 8 до 18 лет из различных расовых групп), позволило соотнести его с человеком современного вида [Дебеч, 1948, с. 43]. Значительная уплощенность переносья свидетельствует о формировании признака типично монголоидного комплекса. По мнению В.П. Алексеева, это позволяет с большой долей уверенности говорить о принадлежности верхнепалеолитического населения среднего Енисея к монголоидной расе [Alexseev, 1978, с. 187].

Таблица 2. Сравнительные размеры некоторых постоянных и молочных зубов в разновременных палеолитических группах

Зубы	Сибирь										Соседние регионы																			
	Плейстоцен Алтая [Шлакова, Деревянко, 2000]		Афронтова Гора [Дебеч, 1948; Alekseev, 1998]		Мальта [Герасимов, 1935] (Шлакова)		Лиственка (Красноярский край) (Шлакова)		Соловьиная Лука (Алтай) [Шлакова, 2000]		Тешик-Таш [Зубов, 1984] (Шлакова)		Баракаевский памятник [Зубов, Романова, Харитонов, 1994] (Шлакова)		Средний палеолит (Valpolicella, Verona) [Giacobini, 1992]		Верхний палеолит (Dolní Vestonice XV) [Jelinek, 1992]		Сельгунгур (400 – 500 тыс. лет) [Исламов, Зубов, Харитонов, 1988]		Самарканд I (ж) [Гинзбург, Гохман, 1974]		Сунгирь [Зубов, 1984] (Шлакова)		Верхний палеолит Европы (поздний) [Зубов, 1984]		Верхний палеолит Европы (ранний) [Зубов, 1984]		Современные расы [Зубов, Халдеева, 1993]	
	Д.п.	п.Ок.	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	2 (м)	3 (ж)	1	2	1	2	1	2		
<i>VL cor</i>																														
I ¹	8,6	-	-	-	-	7,6 (в)	-	8,9	-	-	-	-	-	-	-	7,0?	-	8,5	7,7	7,5	7,5	7,0								
P ²	-	-	9,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11,1	-	9,6	9,6	9,1								
M ¹	-	-	-	11,1	-	-	-	12,6	-	-	-	-	-	-	9,5	-	-	13,4	11,9	12,3	11,8	11,6								
m ¹	-	-	-	9,0	8,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8,8	-	-	8,9								
m ²	-	-	-	10,0	9,4	-	-	10,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10,1	-	-	10,1								
I ₁	-	-	-	-	-	6,5	-	7,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,9	7,1	6,7	6,4	6,1	5,8							
P ₁	-	8,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10,2	7,2	9,6	8,7	8,5	8,1	7,8								
M ₁	-	10,3	-	10,1	-	10,7	10,6	11,4	-	-	-	8,6	-	10,0	11,8	10,9	11,0	10,9	11,0	10,9	10,9	10,4								
M ₃	-	10,2	10,6	-	-	-	-	-	-	-	-	11,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10,1								
i ₁	-	-	-	-	-	4,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,2								
i ₂	-	-	-	-	-	4,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,5								
c	-	-	-	-	-	5,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,0								
m ₁	-	-	-	7,4	6,7	7,2	7,5	8,3	8,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,5	7,3								
m ₂	9,3?	8,6	-	8,7	8,3	9,2	9,2	9,8	9,6	9,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9,2	9,1								
<i>MD cor</i>																														
I ¹	10,9?	-	-	8,5	-	10,3(в)	-	10,2	-	-	-	-	-	-	-	10?	-	9,7	9,8	9,3	8,7	8,8								
C	-	-	-	6,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,5	8,3	8,0	8,0	7,8								
P ²	-	-	7,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,5	-	7,0	6,8	6,7								
M ¹	-	-	-	10,5	-	-	-	12,5	-	-	-	7,7	-	-	-	-	-	11,0	10,8	10,7	10,4	10,4								
m ¹	-	-	-	7,5	7,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6,8	-	-	7,4								
m ²	-	-	-	9,8	-	-	-	9,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9,0	-	-	8,8								
I ₁	-	-	-	5,6	-	6,4	-	6,1	-	-	-	-	-	-	-	-	4,6	5,6	5,9	5,8	5,2	5,4								
I ₂	-	-	-	-	-	7,2	-	7,0	-	-	-	-	-	-	-	-	5,6	6,1	-	6,4	5,6	6,0								
C	-	-	-	6,0	-	-	-	7,0	-	-	-	-	-	-	-	-	7,5	7,1	7,8	7,6	6,8	7,0								
P ₁	-	6,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8,0	6,4	7,1	6,9	7,3	7,0	7,0								
M ₁	-	11,0	-	11,3	-	12,1	11,3	12,3	-	-	-	7,0	-	10,7	12,0	11,4	11,6	11,4	11,6	11,1	11,1	11,2								
M ₃	-	11,6	12,1	-	-	-	-	-	-	-	-	11,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10,9								
i ₁	-	-	-	-	-	5,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,5								
i ₂	-	-	-	-	-	5,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,7								
c	-	-	-	-	-	6,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,6								
m ₁	-	-	-	8,1	9,3	8,8	8,9	9,7	8,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8,3	8,1								
m ₂	10,3?	10,0	-	10,7	10,0	10,9	10,5	10,1	10,8	10,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9,1	10,2								

Примечание: курсивом обозначены размеры зачатков; (в) – восстановленный размер; Д.п. – Денисова пещера; п. Ок. – пещера им. Окладникова.

Таблица 3. Некоторые одонтологические признаки молочных и постоянных зубов в разновременных группах

Зубы	Форма моляра	Межкорне-вой затек эмали	Прото-стилид	Коленчатая складка метаконида	Tami	Дистальный гребень тригоноида	Передняя ямка	Трансверсальный гребень, эпикристинд	2 med (II),(III)	Гипоплазия эмали
Мустье Алтая (Денисова пещера, пещера им. Окладникова) [Шпакова, 2000]										
m ₂ (Д.п.)	–	3	–	–	–	–	–	–	–	0
m ₂ (п.Ок.)	Y6	3	0	0	+	0	0	0	III	0
M ₁₍₂₎	Y6	3	2?	0	+	0	+	0	III	+
Лиственка (Красноярский край), поздний палеолит [Шпакова, 1997]										
m ₂	Y5	3	1	0	0	0	+	+	III	0
M ₁	Y6	3	0/P	0	0	0	0	0	III	0
Мальта, верхний палеолит [Шпакова, 2000]										
m ₂	Y5 / Y7	–	0/+	0	+	0	+/+	–	III	–
M ₁	Y5	–	0	0	+	0	0	–	II	+
Соловьинная Лука, поздний палеолит [Шпакова, 2000]										
m ₂	Y5	3	0	0	0	0	0	0	f	+
M ₁	X5	8	P	0	0	0	+	0	f	+
M ₂	X4?	–	P	0	0	0	+	0	II	–
Тешик-Таш, мустье [Зубов, 19686] (Шпакова)										
M ₁	Y5 / Y6?	3	0	0	+	0	+	+	III	0
M ₂	Y6 / Y5?	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самаркандская стоянка, поздний палеолит [Гинзбург, Гохман, 1974]										
M ₁	Y5?	3	0	0	0	0	–	0	–	–
M ₂	4+	–	–	0	0	0	+	–	II	–
Сунгирь 2, 3, верхний палеолит [Зубов, 1984] (Шпакова)										
M ₁	Y5 / 5+	–	0/P	0/+	0	0	–	–	III	0
M ₂	X4	–	–	–	–	–	–	+	II	0
Вилуйское шоссе (Якутия), неолит (Шпакова)										
M ₁	Y5 / Y6	–	0/P	–	0	0	0/+	–	–/III	–
M ₂	Y5 / X5	–	0	0	0	0	0	–	–	+
Каменка II (Якутия, средняя Колыма), поздний неолит [Шпакова, 2001]										
M ₁	X5	6	P/0	0/+	0/+	0	0/+	0	II/III	0/+
M ₂	X6 / X5	4	P	0	0	0	0/+	0	II	0

Первоначальное описание второго премоляра (P²) было сделано М.П. Грязновым [1932]. Впоследствии В.П. Алексеев определил возраст ребенка, которому принадлежал этот зуб, – не более 9 лет [Alekseev, 1998, p. 330].

Мезиодистальный и особенно высотный диаметры премоляра превышают современные средние и, скорее всего, соответствуют вариациям размеров верхнепалеолитических образцов. Вестибулолингвальный диаметр оказался значительно меньше усредненного верхнепалеолитического показателя. Таким образом, к морфологическим особенностям премоляра можно отнести выраженную редукцию вестибулолингвальных размеров, наличие которой вполне согласуется с относительно поздней его датировкой.

Мальта. Это уникальный многослойный памятник Сибири, датируемый средней стадией верхнего палеолита Приангарья [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994,

с. 237]. Стоянка была открыта в 1928 г. Она расположена на левом берегу р. Белой, левого притока Ангары, близ Иркутска и содержит единственное известное в Сибири палеолитическое погребение, обнаруженное М.М. Герасимовым в 1929 г. [Герасимов, 1931]. Автором была отмечена плохая сохранность костей скелета: разбитый на множество кусочков череп, отсутствие лицевых костей, мелкие фрагменты нижней челюсти (но хорошо сохранившиеся зубы); состояние посткраниального скелета было еще хуже. М.М. Герасимов определил возраст погребенного – 3 – 4 года и отметил патологию развития костных структур, в частности, молочных и постоянных зубов [1931, 1935].

На основании яркого, богатого и своеобразного набора археологического инвентаря стоянки и предметов, найденных в захоронении, автор сделал вывод о безусловно ритуальном характере погребения. Некоторые черты выделенной М.М. Герасимовым

Таблица 4. Модули коронок моляров в различных расовых группах

Группа	M ¹	M ²	M ¹⁻²	M ₁
Пещера Окладникова (с.п.)	—	—	мез.?	10,7
Соловьинная Лука (в.п.)	—	—	мез.?	11,0
Мальта (в.п.)	10,8	—	мик.?	10,7
Лиственка (м?) (в.п.)	—	—	гмак.?	11,5
Тешик-Таш (с.п.)	12,6	—	гмак.?	11,9
Самарканд I (ж) (в.п.)	—	—	мик.	10,4
Сунгирь (в.п.)	11,8	11,1	11,5 – гмак.	11,5
Сунгирь (ж) (в.п.)	11,3	10,0	11,2 – мак.	11,1
Вилуйское шоссе (ж)	10,7	10,1	10,4 – мик.	10,9
Каменка II (ср.) (н.)	10,6	10,7	10,7 – мез.	10,9
Каменка II (ж) (н.)	10,5	10,5	10,5 – мик.	10,7
Неолит Васильевки*	11,2	11,0	11,1 – мак.	11,2
Неолит Забайкалья*	11,1	11,0	11,0 – мак.	—
Кочевники Забайкалья*	10,5	10,2	10,3 – мик.	—
Хакасы*	10,8	10,1	10,4 – мик.	11,0
Киргизы*	10,9	10,2	10,6 – мез.	10,8
Ульчи*	10,9	10,4	10,7 – мез.	11,1
Чукчи*	11,0	10,5	10,8 – мез.	—
Алеуты*	10,8	10,3	10,5 – мик.	—
Эскимосы*	11,2	10,8	11,0 – мак.	11,5
Тунгусы*	10,3	9,9	10,1 – гмик.	—
Буряты*	11,1	10,6	10,9 – мез.	11,2
Древние японцы*	10,9	10,5	10,7 – мез.	11,0
Китайцы*	10,7	10,5	10,6 – мез.	10,9
Памирцы*	10,6	10,1	10,4 – мик.	10,5
Латгалы*	10,6	10,1	10,4 – мик.	10,4
Осетины*	10,8	10,1	10,5 – мик.	10,4
Армяне*	10,3	9,7	10,0 – гмик.	—

Примечание: гмик. – гипермикродонтизм, мик. – микродонтизм, мез. – мезодонтизм, мак. – макродонтия, гмак. – гипермакродонтизм [Зубов, Халдеева, 1993, с. 29]; (м) – мужской, (ж) – женский; (ср.) – средние значения; (с.п.) – средний палеолит, (в.п.) – верхний палеолит, (н.) – неолит. Самарканд – данные по [Гинзбург, Гохман, 1974]; Сунгирь – данные А.А. Зубова [1984].

* Данные А.А. Зубова [19686].

мальтинской культуры позволили ему найти аналогии с западноевропейскими культурами ориньяка. На возможные южные связи Мальты, по мнению ученого, указывали изображения на пластинке из бивня мамонта трех змей, напоминающих по своей конфигурации кобр, которых мальтинцы, конечно же, не могли видеть рядом с собой в повседневной жизни [Герасимов, 1931, с. 17]. Позднее М.М. Герасимов писал о возможности наличия монголоидных черт на мальтинском черепе – подтверждением этого предположения для него послужил монголоидный тип мальтинских статуэток [1955, с. 210, 238].

При последующем исследовании антропологического материала Мальты американский антрополог К. Тернер пришел к выводу, что в погребении было найдено два детских скелета [Terner, 1983, 1990; Тернер, 1990]. Возраст старшего ребенка, определенный им по степени развития зубов, в различных публикациях указан по-разному: в ранней работе – около 3 – 4 лет, в последующих – 2 – 3 года. Относительно младшего ребенка К. Тернер писал, что ему было менее двух лет [1990, с. 70].

Американский ученый отметил, что по морфологическим особенностям коронок зубы старшего ребенка близки к зубам современных и доисторических европеоидов; и мальтинский антропологический тип также был соотнесен им с “представителем верхнеплейстоценового кроманьонского населения”. Таким образом, К. Тернер высказал предположение о заселении южных территорий Сибири в период верхнего палеолита группами европеоидного облика, распространение которых в восточном направлении достигало Байкала [Terner, 1986, Тернер, 1990].

Исследовавшие мальтинский материал В.П. Алексеев и И.И. Гохман дали погребенным следующие возрастные характеристики: 3 – 4 года и 10 – 14 мес. Интерпретация ими расовых признаков мальтинских одонтологических образцов отличается от заключения К. Тернера. Авторы предположили, что следы слабой лопатообразности на постоянных и молочных резцах, в совокупности с наличием монголоидных признаков на фрагменте детского черепа из Афонтовой Горы II, являются аргументами против гипотезы о западном происхождении населения Мальты [Алексеев, Гохман, 1987].

Таблица 5. Подлинные и “взрослые” размеры и указатели нижней челюсти неандертальцев, верхнепалеолитических, мезолитических и неолитических людей в сравнении с верхнепалеолитическими находками из Сибири

Памятник	Источник	69(1)	69(3)	69(3) : 69(1)	70	71	71a	71 : 70	71a : 70
Соловьиная Лука (в) [Сысак, 1960, с. 40]	[Алексеев, 1978, с. 153]	31,3	10,5	33,6	67,5	38,1	34,8	56,4	51,6
Лиственка (в)	32,1 [Там же]	9	28,0	69,4	37,6	35,6	54,2	51,3	—
Тешик-Таш (в)	[Алексеев, 1978, с. 154]	36,8	12,3	33,4	—	—	35,2	—	52,5
Ля-Шапель-о-Сен (м)	[Там же, с. 124 – 126]	34,7	15,6	45,0	67	49	—	70,0	—
Ле-Мустье I (м)	То же	—	14	—	70	44	—	68,8	—
Ле-Мустье (м)	»	—	—	—	64	36	—	—	—
Амуд I (м)	»	—	—	—	75	40	—	53,3	—
Шанидар I (м)	[Там же, с. 159]	34	15	44,1	—	40	40	—	—
Рабат (м)	[Там же, с. 124 – 126]	34	17	50,0	—	—	—	—	—
Схул II (ж)	То же	32,5	18	55,4	—	—	—	—	—
Схул V (м)	»	28,6	11,6	40,6	—	—	—	—	—
Схул VI (м)	»	36	13,2	36,7	78,5	36,2	—	46,1	—
Схул VII (ж)	»	—	—	—	71?	42?	—	59,2	—
Кро-Маньон I (м)	[Там же, 1978, с. 214]	—	—	—	73?	32?	—	43,8	—
Кро-Маньон III (м)	То же	32	11	34,4	—	43	—	78,2	—
Павлов (м)	»	35	11	31,4	71?	35	—	—	—
Костенки XIV (Маркина Гора) (м)	[Дебец, 1955, с. 51]	25	12	48,0	52	—	36,5	—	70,2
Чжоукоудянь 101 (м)	[Алексеев, 1978, с. 224]	36	12	33,3	58	41	—	70,7	—
Сунгирь 1 (м)	[Бунак, Герасимова, 1984, с. 99]	36	11	30,6	74	—	40	—	54,1
Самарканд I (ж)	[Гинзбург, Гохман, 1974, с. 6 – 10]	29	12	41,4	57	—	35	—	61,4
Самарканд II (м)	То же	33	11	33,3	67?	—	—	—	—
Олений о-в	[Бунак, Герасимова, 1984, с. 94]	31,8	12	37,7	64,4	37,9	—	58,9	—
Васильевка II	То же	35,3	—	—	68,3	40	—	58,6	—
Васильевка III	»	30,2	12,6	41,7	63,5	35,1	—	55,3	—
Вольненский	»	36,6	12,8	35,0	70	38,3	—	54,7	—
Диринг-Юрях (м)	[Гохман, Томтосова, 1992, с. 122]	31	14,4	43,9	60,2	—	43	—	71,5
Родинка II (ж)	То же	28	11	39,3	50	—	38	—	76,0
Бойсмана II (м)	[Попов, Чикишева, Шлакова, 1997, с. 44]	33,5	15	44,8*	59	—	41,5	—	70,3*
Бойсмана II (ж)	То же	30,5	14	45,9*	54	—	38,8	—	71,9*

Примечание: (м) – мужчина; (ж) – женщина; (в) – размеры, восстановленные до “взрослых” величин.

* Посчитано по средним.

В дальнейшем В.П. Алексеев продолжал придерживаться точки зрения М.М. Герасимова (который писал о монголоидных особенностях антропологического материала из Мальты) и предположил, что степную часть бассейнов Енисея и Ангары в верхнем палеолите населяли племена монголоидного облика, а экспансия европеоидных групп с запада связана с эпохой неолита [Alekseev, 1998, p. 332, 334].

Детские зубы из Мальты впоследствии были исследованы мною дополнительно. На основании величины модулей первых моляров (материал не позволяет получить метрические характеристики остальных моляров) можно предположить наличие микродонтии у старшего ребенка. При сравнении с хронологически близкими группами по величинам горизонтальных диаметров молочных и постоянных моляров к Мальте оказались близки в наибольшей мере Сунгирь (3) и в гораздо меньшей степени верхнепалеолитические памятники Европы (раннего этапа) и пещера им. Окладникова (см. табл. 2). И по некоторым расодифференцирующим одонтоскопическим и одонтоглифическим признакам (умеренная лопатообразность, выраженный бугорок Карабелли, ход второй борозды метаконида, отсутствие дистального гребня и коленчатой складки) одонтологический тип мальтинских детей тяготеет к группам “западного” одонтологического ствола.

Необходимо уточнить, что когда мы говорим о принадлежности морфологических зубных комплексов к “западному” или “восточному” одонтологическим стволам, речь идет только об одонтологических типах, которые не всегда имеют прямую корреляцию с краниологическими особенностями исследуемых субъектов. Это, во-первых, связано с тем, что, по всей видимости, одонтологические расовые комплексы начали формироваться на более ранних этапах антропогенеза, чем краниологические. Так, восточная и западная ветви *homo erectus* (азиатские питекантропы, синантропы и атлантропы) уже обнаруживают ряд различий, которые в современной расовой систематике включены в основные расодифференцирующие комплексы, например, у представителей “восточной” ветви оказались наиболее сильно развиты лопатообразность медиальных резцов и некоторые одонтоглифические особенности [Зубов, Халдеева, 1989, с. 196, 204]. Во-вторых, зубные комплексы по сравнению с краниологическими типами более консервативны во времени. Таким образом, зубная морфология позволяет отметить следы более древних расогенетических преобразований.

Мысль о генетической преемственности культур верхнепалеолитических жителей Европы и сибирского населения, оставившего памятники-аналоги Мальта и Буреть (синхронная и географически очень близкая к Мальте стоянка, также содержащая богатый набор каменного и костяного инвентаря и предметов искусств-

ва) уже неоднократно высказывалась российскими и зарубежными учеными. Так, например, А.П. Окладников в 1930 – 1950-х гг. большое значение придавал идее миграций восточноевропейских групп населения на территорию Сибири. Но и впоследствии, став сторонником гипотезы о более древнем заселении Сибири и самостоятельном развитии ее культур, он не отрицал влияния миграционных процессов. В современном палеолитоведении проблема культурной дифференциации сибирского палеолита также включает в себя вопрос смены расово-генетических общностей – носителей различных элементов каменной индустрии [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 21, 260].

Вывод о принадлежности мальтинцев к “западному” одонтологическому стволу нарушает наиболее выраженную концепцию В.П. Алексеева о достаточно выраженном монголоидном облике верхнепалеолитического населения степной полосы Сибири [Alekseev, 1998, p. 334]. Это очень важный в рамках расогенеза Северной Азии вопрос, и только дальнейшие исследования и находки позволят дать на него более четкий ответ.

Денисова пещера и пещера им. Окладникова (низкогорная зона Северо-Западного Алтая). В 1984 г. С.В. Маркиным и В.Т. Петриным в пещерах были найдены уникальные антропологические образцы: семь разрозненных зубов, датированных поздним периодом среднего плейстоцена – верхним плейстоценом. Возраст слоев, из которых происходили эти находки в Денисовой пещере, значительно различается. Для m_2 (слой 22.1) это примерно 170 – 220 тыс. лет, для I^1 (слой 12) – 40 – 50 тыс. лет. Одонтологические образцы из пещеры им. Окладникова – m_2 (слой 7), P_1 , $M_{1(2?)}$, M_3 (слой 3) и M_3 (слой 2) – относятся к периодам 41 – 49, 32 – 45 и 37 – 38,5 тыс. л.н. [Деревянко и др., 1998, с. 38, 76; Деревянко, Гнибиденко, Шуньков, 1998]. Найденные в пещерах зубы, вероятно, принадлежали четырем субъектам (в Денисовой пещере – взрослый и ребенок 7 – 8 лет, в пещере им. Окладникова – подросток 12 – 14 лет и ребенок 5 – 7 лет) [Шпакова, Деревянко, 2000].

Предварительный анализ одонтологического материала был проведен американским антропологом К. Тернером [Turner, 1986, 1990]. Им был сделан вывод о том, что зубы могут принадлежать неандертальцам, имеющим большее сходство с представителями европейских, а не азиатских синхронных групп. В.П. Алексеев, рассматривая особенности алтайских зубов, отметил в их морфологии отсутствие расодифференцирующих признаков и наличие выраженных архаических особенностей [Alekseev, 1998]. Позиции определяемых зубов у авторов в ряде случаев не совпадали.

Повторное исследование древнейших одонтологических образцов с Алтая было предпринято мною с целью уточнить позицию каждого зуба, выявить не отмеченные ранее одонтоглифические особенности

и получить недостающие метрические параметры. Кроме того, возникли вопросы об их таксономической принадлежности.

Весь одонтологический материал из алтайских пещер условно можно было бы разделить на две хронологические группы, отделив наиболее древний образец из Денисовой пещеры (m_2 – слой 21.1) от более поздних находок из обеих пещер (I^1 , m_2 , P_1 , $M_{1(2?)}$, M_3 , M_3). Однако при анализе морфологических особенностей зубов оказалось, что находки из Денисовой пещеры, несмотря на существенный временной разрыв между образцами (160 – 100 тыс. лет), в целом выглядят достаточно консолидируемыми, значительно отличаясь от зубов из пещеры им. Окладникова большей архаичностью, проявляющейся в крупных размерах коронок. Аналогичные параметры характерны как для групп периода верхнего палеолита (Сунгирь, Лиственка), так и для неандертальских одонтологических образцов из Европы и Средней Азии. Зубы из пещеры им. Окладникова в большей степени тяготеют к европейским верхнепалеолитическим находкам, чем одонтологические образцы из Денисовой пещеры.

Кроме крупных размеров оба зуба из Денисовой пещеры отличает значительная сошлифованность эмали, напоминающая характер стертости на неандертальских зубах. Учитывая эти особенности и раннюю датировку слоев, в которых были найдены зубы в Денисовой пещере (m_2 – слой 22.1; I^1 – слой 12), можно было бы предположить их принадлежность представителям поздних эректусов или неандертальцам. Однако сочетание обоих горизонтальных размеров коронки молочного моляра отражает редукцию вестибулолингвального диаметра, сравнимую с показателями в более поздних группах человека современного вида. То есть на основании имеющихся метрических параметров выявляется все же значительно большее сходство m_2 с образцами периода верхнего палеолита, чем с зубами неандертальцев (см. табл. 2).

Коронка верхнего центрального резца оказалась достаточно информативной. Она характеризуется своеобразным строением лингвальной поверхности – наличием мощного мезиального краевого гребня при полном отсутствии дистального. Очень важно отметить, что подобная промежуточная форма, не позволяющая говорить о выраженной лопатообразности, *не характерна для “пренеандертальских” и неандертальских групп.*

Комплекс морфологических особенностей, который удалось выделить при исследовании одонтологического материала из пещеры им. Окладникова, определяется отсутствием таких специфических особенностей, характерных для неандертальского населения, как эпикристингид (передний трансверсальный гребень нижних моляров) и относительно широкий талонид дистальных моляров. Дифференцирующие признаки взя-

ты из работ А.А. Зубова [1968а, с. 186; 1968б, с. 64 – 65; Зубов, Халдеева, 1989, с. 202; 1993, с. 42].

Таким образом, учитывая совокупность измерительных и описательных признаков зубов из пещер им. Окладникова и Денисовой, мы можем с большой долей вероятности соотнести алтайские плейстоценовые одонтологические образцы с представителями ранних H.s.s.

Большая архаичность всего одонтологического материала из Денисовой пещеры по сравнению с зубами из пещеры им. Окладникова вполне согласуется с полученными датами. По-видимому, мы имеем дело с различными таксономическими группами древнего населения Алтая. Косвенным подтверждением разных биологических условий существования населения двух алтайских пещер служит наличие эмалевой гипоплазии (маркера эпизодического стресса) почти на всех зубах из пещеры им. Окладникова, на резце из Денисовой пещеры эта патология отсутствует.

Морфологические особенности, которые могут быть использованы в качестве расовых маркеров, наиболее четко проявляются на зубах из пещеры им. Окладникова, так как коронки из Денисовой пещеры очень сильно стертые. Оказалось, что характеристикам “западного” одонтологического ствола в большей мере присущи одонтоскопические признаки, в то время как одонтоглифические особенности более соответствуют признакам “восточного” направления [Шпакова, Деревянко, 2000].

Наиболее интересной особенностью плейстоценовых зубов из южных регионов Западной Сибири (пещеры Алтая) и Средней Сибири (Мальта), несомненно, является наличие некоторых расовых признаков “западного” одонтологического ствола. В связи с тем что даже древнейшие образцы Алтая имеют тенденцию к европеоидным одонтологическим особенностям, можно предположить очень древнее переселение гоминидов с генным комплексом “западной” одонтологической ветви на территорию Южной Сибири. Тенденция к разделению на “западную” и “восточную” одонтологические ветви уже на уровне эректусов была отмечена А.А. Зубовым [Зубов, Халдеева, 1989, с. 196].

Лиственка. Стоянка расположена на территории Красноярского края. В 12-м культурном слое, для которого получена дата $13\ 100 \pm 410$ л.н. (ГИН-6965), была найдена поврежденная нижняя детская челюсть с набором молочных зубов и коронок постоянной смены [Акимова и др., 1992; Шпакова, 1997]. Оказалось, что по комплексу измерительных признаков в таксономическом плане ребенок (возраст около 3 лет) занимает промежуточное положение между представителями ранних и поздних групп верхнего палеолита, с тяготением к более древним формам.

Лиственский одонтологический материал характеризуется гипермакродонтией и сохранением ряда архаических особенностей на первых постоянных

молярах: большой мезиодистальный диаметр и низкий индекс коронки, относительно широкий тригонид, сдвинутый вестибулярно гипоконулид, повышенное содержание дирадиусов и трирадиусов, тенденция к коленчатости элементов бугорков, наличие борозд третьего порядка и выраженность борозд на боковых поверхностях коронки.

Одонтоскопические признаки, по которым современное население подразделяется на “восточный” и “западный” одонтологические стволы, и соответственно, монголоидные и европеоидные группы, складываются в одонтологический комплекс, определяющий приоритетную принадлежность ребенка к “западному” одонтологическому стволу. Важным признаком “восточного” направления является только наличие шестого бугорка на первом моляре. Одонтоглифические особенности, напротив, выражены набором признаков, свойственных группам “восточной” ориентации. Они усиливают монголоидные особенности первого порядка и определяют в целом принадлежность лиственских зубов к “восточному” комплексу, который может быть охарактеризован как отличающийся некоторой недифференцированностью.

Кроме того, необходимо отметить, что отсутствие на нижних первых молярах лиственского ребенка такого древнего стабильного образования, как дистальный гребень тригониды, являющегося ключевым современным признаком “восточной” ориентации, можно рассматривать как уже сложившуюся одонтологическую особенность, свойственную населению данного региона (Юго-Западная Сибирь), поскольку и во многих современных сибирских группах отмечается снижение частоты встречаемости данного признака до показателей в европеоидных сериях (0 – 10%). Это позволяет сделать вывод и о значительной степени устойчивости данного маркера, сохранившегося на протяжении тысячелетий.

Однако возможна еще одна интерпретация “смягченного” монголоидного варианта детских зубов из Лиственки: такой слабодифференцированный одонтологический вариант, с различной степенью проявления монголоидных признаков на двух описательных уровнях (одонтоскопические и одонтоглифические особенности коронок), мог сложиться в результате смешения древних представителей двух больших рас. Метисационные процессы вполне могли привести к образованию одонтологических вариантов с проявлением признаков, которые при дальнейших генетических преобразованиях сформировали устойчивые во времени комплексы. Во всяком случае, одонтологические особенности ребенка со стоянки Лиственка можно объяснить именно смешением антропологических типов, относящихся к двум расовым стволам, с образованием слабодифференцированного варианта, выраженного морфологическими признаками без четкой расовой принадлежности.

При сравнении метрических особенностей постоянных и молочных зубов нижней челюсти из Лиственки с одонтологическим материалом широкого временного диапазона отмечается наибольшее сходство с Сунгирем 3 (по VL cor) и Тешик-Ташем (по MD cor) (см. табл. 2, 4). Восстановленные “взрослые” размеры нижней челюсти из Лиственки оказались наиболее близки к показателям мужской челюсти Чжоукоудянь 101 (см. табл. 5).

Соловьиная Лука. Местонахождение со смешанным разновременным комплексом артефактов расположено в Алтайском крае. В 1998 г. при работе археологической экспедиции под руководством Ю.Ф. Кирюшина была найдена левая половина нижней челюсти пятилетнего ребенка с тремя сохранившимися зубами обеих смен [Кирюшин и др., 2000]. Мною были измерены фрагмент челюсти и зубы, интерпретированы морфологические особенности образцов [Шпакова, 2000]. На основании многочисленных архаических признаков коронок и крупных “взрослых” размеров челюсти (восстановленных на основании методики Н.С. Сысака [1960] и пересчетов В.П. Алексева [1978]) можно с большой долей вероятности говорить о том, что исследуемый образец мог принадлежать представителю верхнепалеолитического населения. По “взрослым” метрическим параметрам нижняя челюсть из Соловьиной Луки обнаруживает наибольшее сходство с образцами Кро-Маньон III и Самарканд II.

Метрические особенности зубов имеют иные аналогии – в некоторых древних сериях из Сибирского региона (Денисова пещера, Лиственка, Мальта) и Восточной Европы (Сунгирь 3). При сравнении со средними показателями раннего и позднего этапов верхнего палеолита Европы к метрическим характеристикам исследуемых зубов оказываются наиболее близкими размеры коронок более раннего периода. Одонтологический вариант из Соловьиной Луки характеризуется, скорее всего, мезодонтией зубов постоянной смены и макродонтией молочных зубов (сочетание, наблюдаемое и на палеолитических образцах из пещеры им. Окладникова и Мальты).

Морфологические особенности молочных и постоянных зубов из Соловьиной Луки объединяются в одонтологический комплекс с приоритетным “западным” направлением основных расодифференцирующих признаков. Единственное сомнение вызывает только коленчатость осевого гребня метаконида на M_1 – очень важный признак “восточной” ориентации. Но поскольку он выражен вариантом “с перехватом”, этот фен не соответствует основному условию, при котором фиксируется данный признак. Таким образом, отсутствие важных расоопределяющих признаков “восточного” одонтологического комплекса позволяет предположить принадлежность исследуемого субъекта к “западному” одонтологическому стволу. Одонтоглифические особенности коронок постоянных

моляров также в большей степени соответствуют “западному” одонтологическому комплексу.

На некоторых зубах встречается эмалевая гипоплазия. Ее локализация в верхних отделах коронки, скорее всего, обусловлена каким-то физиологическим стрессом, который пережил ребенок в возрасте от полутора до двух лет (возможно, окончание периода грудного вскармливания). Появление зубного налета на молочных зубах отражает достаточно сильные нарушения обменных процессов у ребенка, связанные помимо болезней, например, со спецификой питания.

Поскольку Южносибирский регион географически не был изолирован и антропологические процессы на его территории могли проходить, скорее всего, с участием представителей населения сопредельных территорий, рассмотрим, какие морфологические особенности демонстрируют плейстоценовые антропологические образцы с ближайших из известных стоянок. Эти находки также не слишком многочисленны, однако по качественным и количественным показателям более значимы, так как остеологический материал богаче и разнообразнее, чем коллекции древнейших образцов Сибири.

На территории **Средней Азии** известно несколько палеоантропологических находок, относящихся к периодам раннего, среднего и позднего палеолита.

1. В Ферганской долине в Узбекистане с 1980 г. проводились исследования пещерной многослойной стоянки Сельунгур [Исламов, Зубов, Харитонов, 1988]. Были найдены шесть зубов *Homo erectus*, которые, по мнению А.А. Зубова, принадлежали архантропу, не принявшему участие в процессе сапиентации [Там же, с. 48].

2. В 1938 г. на территории Узбекистана в пещере Тешик-Таш А.П. Окладниковым был найден поврежденный скелет неандертальского ребенка 8 – 10 лет. Череп тешикташца по сочетанию особенностей строения мозгового и лицевого отделов занимает своеобразное переходное положение. В пределах локальных вариантов неандертальского типа его, по заключению В.П. Алексеева, можно отнести к европейско-переднеазиатской группе древних гоминидов. Переднеазиатская группа на фоне неандертальских средних характеризуется максимально большими размерами черепной коробки, наибольшей шириной лобной кости, наименьшей скуловой шириной и наиболее узкими орбитами на очень высоком лице с наименьшей степенью уплощения его верхнего отдела, а также крупными нижними челюстями и наибольшими показателями роста тела [Алексеев, 1978, с. 86, 88, 160].

3. В Самарканде, в центре города, на палеолитической стоянке, которая датирована археологами ранней порой верхнего палеолита, в 1962 г. были найдены две нижних челюсти взрослых субъектов (мужская и женская). Авторы антропологического исследования предположили, что обитатели Самаркандской стоянки мог-

ли принадлежать к европеоидной расе, возможно, к ее южному стволу [Гинзбург, Гохман, 1974, с. 10].

На территории **Центральной Азии** антропологические образцы полностью отсутствуют. Вполне возможно, это связано с особенностями погребальной обрядности.

Восточная Азия, напротив, отличается достаточно многочисленными плейстоценовыми находками. Особый интерес представляет краниологический полиморфизм, которым характеризуется палеолитическое население этого региона. Так, одни черепа имеют признаки, не выходящие за пределы европеоидных вариаций, другие, напротив, отличаются монголоидными особенностями. Но все же в целом, по заключению В.П. Алексеева, древние группы из Восточной Азии демонстрируют тяготение их краниологических особенностей к монголоидному комплексу краниологических признаков, проявившемуся еще на ранних этапах среднего плейстоцена [Алексеев, 1978, с. 188; Alekseev, 1998, p. 334].

Дманиси – местонахождение раннего палеолита в Юго-Восточной Грузии, известное своими уникальнейшими находками. В 1991 г. там была найдена нижняя челюсть человека, датированная примерно 1,75 млн л.н., а восемь лет спустя на том же уровне в нескольких метрах от первой находки – два черепа гоминидов (D-2280, D-2282), которые были определены как мужской и женский. Черепа характеризуются небольшими размерами и, соответственно, малой емкостью мозговой капсулы, небольшой толщиной костей свода и относительно слабо развитым рельефом. Согласно предварительным результатам исследования, черепа из Дманиси имеют больше сходства с *Homo ergaster*, чем с *Homo erectus* [Gabunia, Jöris, Justus et al., 1999, S. 479].

Для зубной системы дманисских черепов характерны наличие достаточно хорошо развитых бугорков Карабелли на M^1 и выраженная редукция некоторых зубов, т.е. присутствуют особенности европеоидного одонтологического комплекса.

В **Европе** наиболее близким к Южносибирскому региону верхнепалеолитическим погребением пока остается интереснейшая Сунгирьская стоянка, на территории которой были найдены многочисленные разрозненные кости человека и несколько хорошо сохранившихся скелетов детей и взрослых, в частности, пожилого мужчины (Сунгирь 1), мальчика примерно 13 лет (Сунгирь 2) и девочки 9 – 10 лет (Сунгирь 3). Проводивший раскопки О.Н. Бадер считал, что наиболее точная датировка стоянки соответствует периоду 25 – 30 тыс. л.н. [1978]. Подробное археологическое и антропологическое исследование сунгирьского материала представлено монографиями [Бадер, 1978; Сунгирь..., 1984; Позднепалеолитическое погребение Сунгирь..., 1998]. Однако все еще остаются нерешенными

многие вопросы, касающиеся антропологических и культурологических направлений изучения.

Морфологические особенности черепов отражают наличие краниологического полиморфизма. Интересно, что по метрическим и описательным признакам мужской череп Сунгирь 1 имеет большое сходство с черепом Чжоукоудянь 101 [Бунак, Герасимова, 1984, с. 74], некоторые особенности сунгирьского черепа мальчика напоминают негроидный комплекс, черепа Сунгирь 1 и 3 отнесены к кроманьонскому типу [Трофимова, 1984, с. 147, 155]. Относительно краниологических характеристик сунгирьского черепа пожилого мужчины В.П. Алексеев отметил их примерно срединное положение в границах европейских вариаций [Алексеев, 1978, с. 186]. При сравнении “взрослых” размеров детских черепов с параметрами мужского черепа оказывается, что последний почти по всем признакам занимает промежуточное положение. Оба детских черепа сохраняют некоторые неандерталоидные особенности, а при сравнении с неандертальским черепом из Тешик-Таша обнаруживают сходство черепных размеров по целому ряду признаков.

В отличие от краниологических показателей анализ зубной системы сунгирьских детей дал более четкий результат, так как вполне определенно позволил констатировать принадлежность их одонтологического типа к “западному” одонтологическому стволу [Зубов, 1984, с. 178]. Таким образом, у населения Сунгирьской стоянки можно отметить в целом доминирование европеоидных комбинаций краниологических и одонтологических признаков.

Обсуждение результатов

Даже при анализе столь ограниченного числа древнейших антропологических находок на территории Сибири могут быть отмечены некоторые характерные особенности, присущие южносибирским образцам.

1. Обращает на себя внимание соотношение взрослых и детей среди идентифицированных субъектов — на шести перечисленных сибирских памятниках были найдены останки восьми-девяти детей от 3 до 13 лет и только трех взрослых. Подобное соотношение не совсем обычно, так как общеизвестно, что при равных условиях детские кости сохраняются значительно хуже.

2. Среди одонтологических образцов в гораздо большем количестве представлены зубы нижней челюсти (21 зуб нижнего ряда и 7 — верхнего). Это же отмечается и в пределах всего антропологического массива Южносибирского и Среднеазиатского регионов.

3. Значительно чаще почему-то встречаются зубы левой половины нижней челюсти (среди разрозненных образцов — 10 : 2).

При интерпретации этих фактов, разумеется, прежде всего необходимо учитывать крайнюю малочис-

ленность древнейших антропологических образцов, так как при таком незначительном по численности материале мы имеем дело не с проявлением прямых закономерностей, а с отражением общих тенденций. Во всяком случае, почти полное отсутствие антропологического материала при огромном количестве открытых палеолитических памятников, доминирование останков детей и диспропорция зубов правого и левого квадрантов позволяют предположить, что на территории Сибирского региона существовал обряд погребения взрослых, способствовавший разрушению костного материала. Детская погребальная обрядность, по-видимому, имела иные формы, при которых чаще сохранялись зубы нижней челюсти. Интересно, что нарушение анатомической целостности тела при погребении (вычленение, например, нижней челюсти) и обряд замещения черепа или нижней челюсти отдельными зубами известны еще со времени раннего вюрма (90 — 80 тыс. л.н.) у разных в антропологическом плане групп населения [Смирнов, 1991, с. 219, 223].

В ретроспективном анализе древнего сибирского антропологического материала В.П. Алексеев большое внимание уделил фактам почти полного его отсутствия и очень плохой сохранности найденных фрагментов скелета при наличии большого числа уже открытых археологических памятников. Рассматривая несколько возможных вариантов объяснения этого феномена (погребальная обрядность, этнографический обычай расчленения трупа и т.д.), он был склонен согласиться с высказанным ранее В.И. Громовым предположением о каннибализме у верхнепалеолитического населения Сибири [Алексеев, 1998, р. 330]. Подобное предположение вполне правомочно, оно многое объясняет и является вполне логичным в контексте рассматриваемого вопроса. Однако мы до сих пор не имеем никаких конкретных подтверждений этой гипотезы.

На основании одонтоскопических, одонтометрических и одонтоглифических параметров исследованного мною одонтологического материала периода палеолита (Мальта, две пещеры Алтая, Лиственка, Соловьиная Лука) был проведен анализ морфологических особенностей зубов. Выделенные одонтологические варианты, несмотря на малочисленность зубных образцов, все же позволили отметить своеобразие разновременных представителей древнего населения Южной Сибири и выделить морфологические комплексы, относящиеся к “западному” и “восточному” одонтологическим стволам.

Во всех четырех перечисленных группах фиксируется различное проявление одонтологических расовых характеристик. Большая концентрация признаков “восточного” направления отмечена у представителей палеолитического (возможно, наиболее древнего) населения, проживавших на Алтае и в районе Красноярско-Канской лесостепи (пещера им. Окладникова и

Лиственка). На детских зубах из Мальты и особенно из Соловьиной Луки (Прибайкалье, Алтайский край) как в одонтоскопическом, так и в одонтоглифическом комплексе преобладают признаки “западного” направления.

Своеобразие выделенных одонтологических типов складывается на основании сочетаний одонтоскопических и одонтоглифических особенностей (подчеркивающих определенную близость исследуемых зубов к “восточному” одонтологическому стволу) при общем доминировании признаков “западного” направления. Характерно, что во всех рассматриваемых сериях признаки “восточного” вектора проявляются в основном в виде одонтоглифических особенностей, в то время как одонтоскопический комплекс более нейтрален.

Во всех пяти рассмотренных группах фиксируется редукция размеров зубов (в молочной или постоянной сменах). В наименьшей степени данный процесс проявился у населения алтайских пещер и Лиственки. Эти же группы оказались наиболее близки и по ряду морфологических признаков, поскольку у них наблюдается и наибольшая выраженность монголоидных особенностей.

Представители Афонтовой Горы II, Мальты и Соловьиной Луки отличаются микромезодонтией. И в одонтоскопическом и в одонтоглифическом комплексах двух последних групп преобладают признаки “западного” одонтологического ствола.

Таким образом, можно констатировать, что в период среднего и позднего палеолита южные регионы Сибири населяли разнородные в одонтологическом плане группы и, скорее всего, имели место метисационные процессы. По характеру сочетания краниологических и одонтологических особенностей предполагается существование или сосуществование двух общностей: “восточной”, с более выраженной монголоидностью, и “западной”, с доминированием европеоидных особенностей.

Выделение различных в расовом отношении одонтологических типов на территории Южной Сибири в период среднего и верхнего палеолита позволяет предположить также и наличие значительной расовой неоднородности краниологических признаков. Многообразие позднплейстоценовых форм, по всей видимости, имело под собой более древнюю основу. Полиморфизм ранних эректусов на Азиатском континенте, скорее всего, изначально мог быть обусловлен различной генной основой немногочисленных древнейших переселенцев. В дальнейшем в результате метисационных и адаптационных процессов формировались стадильные и расовые особенности плейстоценовых групп населения, часть которых явилась субстратом древнейших рас в Восточной, Центральной и Северной Азии. Такое предположение вполне подтверждается фактами морфологического разнообразия древних форм, отмеченного на различных территориях Азиатского континента.

Заключение

Основным выводом данной работы является расовая неоднородность одонтологических комплексов древнейшего населения Южной Сибири, позволяющая не согласиться с предположением В.П. Алексеева о широком распространении только монголоидных групп на территории степной полосы Южной Сибири в период верхнего палеолита.

Таким образом, вопрос о времени заселения степных просторов Сибири европеоидами и о расовом составе коренного населения этих мест пока остается открытым, но время взаимодействия вариантов формировавшихся расовых стволов отодвигается к более древним этапам, чем это считалось ранее (предполагалось, что заселение степной полосы Южной Сибири европеоидами началось только в неолите [Alekseev, 1998]).

Список литературы

- Акимов Е.В., Чеха В.П., Кольцова В.Г., Оводов Н.Д., Сулержицкий Л.Д.** Позднепалеолитическая стоянка Лиственка // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян): Путеводитель экскурсий междунар. конф. “Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке”. – Красноярск: Зодиак; Офсет, 1992. – С. 34 – 48.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. – М.: Наука, 1978. – 282 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Костные остатки детских скелетов из погребения на палеолитической стоянке Мальта // Изв. СО АН СССР. – 1987. – № 16, вып. 3: Сер. ист., филол. и филос. – С. 54 – 60.
- Бадер О.Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
- Бунак В.В., Герасимова М.М.** Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 14 – 99.
- Герасимов М.М.** Мальта – палеолитическая стоянка. – Иркутск: Краевой музей, 1931. – С. 1 – 34.
- Герасимов М.М.** Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР. – М.; Л., 1935. – С. 78 – 124.
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с. – (ТИЭ АН СССР. Нов. сер.; Т. 28).
- Гинзбург В.В., Гохман И.И.** Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л.: Наука, 1974. – С. 5 – 11.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** Антропологические исследования неолитических могильников Дириг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 105 – 124.

- Грязнов М.П.** Остатки человека из культурного слоя Афонтовой Горы // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1932. – Т. 1. – С. 37 – 44.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропологические находки в Костенках. (Предварительное сообщение) // Советская этнография. – 1955. – № 1. – С. 43 – 53.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В.** Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
- Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева В.И., Дупал Д.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В.** Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Деревянко А.П., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В.** Среднеплейстоценовые экскурсы геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // Докл. Академии наук. – 1998. – Т. 360, № 4. – С. 511 – 513.
- Зубов А.А.** Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968а. – 199 с.
- Зубов А.А.** Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968б. – С. 5 – 123.
- Зубов А.А.** Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11 – 42.
- Зубов А.А.** Заключение // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 229 – 251.
- Зубов А.А.** Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 162 – 182.
- Зубов А.А., Романова Г.П., Харитонов В.М.** Антропологический анализ нижней челюсти ребенка неандертальца из Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 83 – 99.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 230 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в антропологии. – М.: Наука, 1993. – 221 с.
- Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М.** Палеолитическая стоянка Сельгунгур в Ферганской долине // Вопр. антропологии. – 1988. – Вып. 80. – С. 38 – 49.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г.** Местонахождение Соловьиная Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 147 – 155.
- Позднепалеолитическое погребение Сунгирь** (погребения и окружающая среда). – М.: Научный мир, 1998. – 270 с.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приобья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 95 с.
- Смирнов Ю.С.** Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 338 с.
- Сунгирь:** Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – 215 с.
- Сысак Н.С.** Материалы для возрастной морфологии черепа человека // Антропологический сборник, II. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 50. – С. 29 – 41.
- Тернер К.Г.** Ребенок верхнепалеолитической стоянки Мальта (Сибирь) // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1990. – Вып. 2. – С. 70 – 71.
- Трофимова Т.А.** Черепа детей эпохи верхнего палеолита из Сунгиря // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 144 – 155.
- Шпакова Е.Г.** Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – С. 132 – 136.
- Шпакова Е.Г.** Одонтологические находки периода палеолита с территории Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 463 – 467.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.
- Alekseev V.P.** The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia New discoveries and interpretations. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. – P. 329 – 335.
- Gabunia L.K., Jöris O., Justus A., Lordkipanidze D., Muschelishvili A., Nioradze M., Swisher C.C. III, Vekua A.K.** Neue Hominidenfunde des altpaläolithischen Fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) im Kontext aktueller Grabungsergebnisse // Archäologisches Korrespondenzblatt. – 1999. – N 29, H. 4. – S. 451 – 488.
- Gabunia L., Vekua A.K., Lordkipanidze D., Justus A., Nioradze M., Bosinski G.** Neue Urmenschenfunde von Dmanisi // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. – 1999. – S. 23 – 43.
- Giacobini G.** New Discoveries of Paleolithic Human Remains in Italy // Five Million Years, the Human Adventure. – Liege: Universite de Liege, 1992. – P. 199 – 205. – (Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege; N 56).
- Jelinek J.** New Upper paleolithic Burials from Dolni Vestonice // Ibid. – P. 207 – 228.
- Terner Ch.G. II.** Dental Evidence for the Peopling of the Americas // Early Man in the New World. – Beverly Hills: Sage Publications, 1983. – P. 147 – 157.
- Terner Ch.G. II.** The first Americans: the dental evidence // Nat. Geogr. – 1986. – Res. 2. – P. 37 – 46.
- Terner Ch.G. II.** Paleolithic teeth off the Central Siberian Altai Mountains // Chronostratigraphy of paleolithic in North, Central, East Asia and America: Papers for the International Symposium. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990. – P. 239 – 243.